

Пионы на снегу

На снегу пламенели пионы. Подсвеченные янтарными солнечными лучами, они казались фантастическими друзьями кристаллов, драгоценными камнями на белоснежном наряде земли. Крупные чашечки жёлтых цветков гордо качались на тонких зелёных стебельках.

Эти памирские пионы первыми открывают весну в волшебном саду Сергея Фёдоровича Харитонов. Ещё и почки на деревьях не лопнули, а цветы уже пробились из-под снега, открывшись во всей первозданной красоте.

Удивительный уголок природы находится всего в нескольких часах от Москвы — в старинном русском городе Переславле-Залесском. И не памятниками архитектуры поражает эта древняя земля, а рукотворным чудом: самым северным в мире дендрарием, расположенным на границе с южной тайгой. Девяностый год пошёл его создателю и хранителю — местному лесничему Харитонову, а он всё продолжает собирать по велению сердца и доброму почину, деревья и кустарники всего мира.

Я иду вместе с Сергеем Фёдоровичем по заснеженным, тропинкам дендрария и словно путешествую по странам и континентам, слушая страстную исповедь этого увлечённого, селекционера, ботаника, географа, лесоведа — энтузиаста, влюблённого в природу и её красоту.

В северные края попал Сергей Фёдорович в грозные дни 1943 года, когда его, раненого и истощённого постоянным недоеданием, вывезли из блокадного Ленинграда. Выпускник лесохозяйственной академии, Харитонов читал студентам лекции и учил их создавать города-сады, растить лес, оберегать мир и покой на земле.

— Вам, наверное, не доводилось видеть вечнозелёную красавицу без макушки?! С обломанными ветвями? После артиллерийского обстрела? Нет? — спрашивает Харитонов. — И прекрасно. И пусть больше не придётся смотреть нам и внукам нашим на изуродованные деревья, обожжённые сосны и скошенные танками берёзовые рощи... Никогда!

Боль за истерзанную красоту, мечта о счастливом будущем в дни, когда путь до Победы измерялся ещё многими сотнями тысяч жизней, отозвались в сердце молодого лесоведа, казалась тогда несбыточной идея создать в суровых северных краях сказочный сад. И именно в городе, известном издревле героическими традициями. Своё звучное имя — Переславль — город получил от основателя Юрия Долгорукого в честь известного в Киевской Руси Переславля. Именовали его вначале Переславль-Новый, а затем название города несколько трансформировалось и вместо «Новый» прибавилось «Залесский». И сегодня город окружают леса, а драгоценным камнем в его зелёном ожерелье стал дендрарий-сад.

Первые опыты по выведению морозостойких сортов начал Харитонов на своём небольшом приусадебном участке, где проводил интродукцию северного грецкого ореха, высаял клубни знаменитого теперь памирского жёлтого пиона. В 50-х годах за исследователем уже были закреплены местным лесничеством двадцать гектаров, потом ещё сорок. На них и раскинулся, как теперь официально называется, дендрарий-сад по акклиматизации, селекции и генетике древесно-кустарниковых пород. Их сейчас ни много ни мало — сто тысяч!

— Это все мои живые дети, — любовно говорит о них Сергей Харитонович. — Одни, совсем малыши, в садик ходят, другие, постарше, в школу, а третьи — ветераны вроде меня...

Лесовод ведёт меня по уголку Уссурийской тайги, останавливаясь в аллее уникального амурского бархата. Четвёртое поколение ценного пробкового дерева уже выросло на ярославской земле.

— А было две тысячи саженцев, — вспоминает Харитонов. — Выжило сто пятьдесят, как и дальневосточного субтропического лимонника.

— Мало? — спрашивает он меня, заметив удивлённый вопрос. — Так у нас все деревья медленнорастущие, но зато долгоживущие.

Сергей Харитонович ведёт меня от дерева к дереву, зорко вглядываясь в каждый кустик, каждую веточку (очки, несмотря на солидный возраст, не носит, объясняя хорошее зрение действием своего же лимонника), рассказывает о кропотливой работе, которая не один, а порой многие годы приносит только «минус». Да ещё и сама природа устраивает испытателю нелёгкий экзамен.

До сих пор памятна лесоводу жестокая зима 1978 года, когда в саду вымерзли все 2,5 тысячи яблонь, сорта которых, казалось, были устойчивы к суровым северным условиям. За несколько дней перечёркнуты годы упорного неистового труда.

— А красавица сакура? — вспоминает Сергей Фёдорович. — Японцы полдня сидели здесь у священной для них красавицы вишни, восхищаясь этим чудом природы на нашей ярославской земле. А теперь? Опять сначала начинаем. Спит сакура под снегом, зацветёт ли?

Сколько же неприятностей, сколько же невзгод выпадает на долю этого преобразователя сурового края? Другой, может, на его месте и не выдержал бы, а Харитонов опять с нуля начинает.

— Один год весны не делает, — говорит он, — каждое дерево, каждое растение должно и может акклиматизироваться. Лишь две шишки за двадцать восемь лет выросли на экзотической американской пихте, напоминающей нашу ель. Но это уже достижение, — считает Харитонов. И если сто из двух тысяч высаженных осенью абрикосов будут плодоносить, это тоже победа над природой.

И так верит Сергей Фёдорович в каждое своё начинание, хотя от цветочков до ягодок расстояние порой измеряется десятилетиями. Сто новых сортов растений сейчас на испытании в дендрарии.

У Харитонова нет учёной степени или звания. Он заслуженный лесовод республики, награждён орденом «Знак Почёта», но его неистовый труд достоин памятника, также как и созданный им памятник природы. И не случайно Переславский дендрарий включён в Международный каталог ботанических садов мира, и учёные многих зарубежных стран присылают семена Сергею Фёдоровичу, надеясь, что всё дальше и дальше на север продвинуется гибридные сорта. За советом к Харитонову приезжают советские и иностранные специалисты. Учатся любить природу юные натуралисты города, уже вырастившие в дендрарии свою Пионерскую аллею. И тысячи посетителей этого северного чудо-сада восхищаются ежегодно миром и красотой неповторимого ландшафта, отдавая низкий поклон человеку большой мудрости и доброты.

Под яркими солнечными лучами пробуждается природа. Вот-вот зазеленеет, заблагоухает всеми ароматами уникальный гербарий Харитонова. В лесах Переславля распустятся уже харитоновские амурский бархат, лиственница, орех и псевдотсуга. А в саду самого хозяина яркими солнышками на снегу зацветут пионы.